

УДК: 82
DOI: 10.31343/1029–7812–2024–18–3–4–9

А.В. Коровашко

ННГУ им. Н.И. Лобачевского

E–mail: palimpsest–journal@yandex.ru

ВЛАСТЬ ЗОЛОТА В ПОВЕСТИ О.М. КУВАЕВА «ПЕЧАЛЬНЫЕ СТРАНСТВИЯ ЛЬВА БЕБЕНИНА»

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой анализ и характеристику идейных и художественных особенностей повести Олега Куваева «Печальные странствия Льва Бебенина». Особое внимание при этом уделяется уникальному сочетанию в ней ярко выраженного мифологического начала, элементов плутовского романа и документальной достоверности. В статье также проводится сопоставление повести с ее ранней редакцией, имеющей название «Реквием по утрам».

Ключевые слова: геология, золото, О.М. Куваев, мифология, плутовской роман, советская теневая экономика.

ABSTRACT

The article is an analysis and characterization of the ideological and artistic features novel "The Sad Wanderings of Lev Bebenin" by Oleg Kuvaev. Special attention is paid to the unique combination of a pronounced mythological origin, elements of a picaresque novel and documentary authenticity in it. The article also compares the story with its early edition, entitled "Requiem in the Morning".

Keywords: geology, gold, O.M. Kuvaev, mythology, the picaresque novel, the Soviet shadow economy.

Олег Михайлович Куваев (1934–1975) – это не только геолог, но и писатель, причем его значение в истории русской литературы определяется не профессиональной принадлежностью, а величиной художественного дарования, измерить которую можно только одним способом – путем анализа соответствующих текстов и их сопоставления с другими текстами. Иными словами, оценивая книги Олега Куваева, нужно отрешиться от таких моментов, как, например, хронологическая точность в изложении событий, имеющих отношение к открытию и освоению золотых запасов Колымы и Чукотки (в той же «Территории» такая хронология «сдвинута»), как попытки однозначно установить, кто именно был прототипом Чинкова–Будды (Николай

Чемоданов или Николай Шило) и насколько получившийся персонаж «отделился» от своего исходного образца; или как выяснение вопроса, насколько правильным, с точки зрения инструкций и нормативных актов, было решение Чинкова посылать Баклакова в одиночный маршрут по Кетунгскому нагорью; или как дискуссия на тему соответствия топографии Поселка и Города, изображенных в «Территории», реальным Певеку и Магадану. Критерий оценки творчества Куваева может быть только один – уровень художественности тех произведений, которые образуют его литературное наследие (подчеркнем – художественность не имеет ничего общего с украшательством и декоративными риторическими красотоми). Если говорить на профессиональном литературоведческом языке, то в каждом конкретном случае мы должны решить: обладает ли интересующий нас текст Куваева тем уровнем художественной динамики, которая позволяет пренебречь возможными фактическими неточностями и частными просчетами сугубо литературного свойства. Позволим себе провести следующую аналогию. Золотой самородок можно оценивать либо «количественно», либо «качественно». Так, самый большой самородок в мире, Плита Холтермана, найденный в 1872 году в Австралии, весит 285 кг, а чистого золота в нем – 83,2 кг. Понятно, что сама величина этого самородка автоматически определяет к нему интерес (если бы плита Холтермана не была бы переплавлена, а нашла бы место в каком-нибудь музее, то перед ней наверняка бы толпились посетители). А теперь вспомним знаменитый самородок «Мефистофель», найденный в 1944 году на Чукотке. Его масса всего лишь 20,25 г, однако он помещен не куда-нибудь, а в Алмазный фонд Российской Федерации. Почему? Потому что этот самородок имеет зримую художественную форму, пусть и возникшую случайно, посредством сил природы, а не человеческого вмешательства. Точно так же надо подходить и к оценке литературного наследия Куваева. Надо уметь видеть в нем, прежде всего, высочайшего уровня литературу, а не просто иллюстративное пособие по истории геологического освоения Дальнего Востока (именно таким, например, увидела роман «группа товарищей», отправившая в 1974 году в газету «Магаданская правда» печально известное письмо, в котором Куваев обвинялся в искажении подлинной истории открытия чукотского золота).

Теперь, когда, как нам кажется, необходимость и важность разговора об Олеге Куваеве именно с литературных, а не сугубо «геологических» позиций, в достаточной мере обоснованы, можно перейти к характеристике самого, на наш взгляд, недооцененного произведения Куваева – повести «Печальные странствия Льва Бебенина».

Эта недооцененность является особенно странной потому, что указанный текст – едва ли не лучшее, в художественном отношении, из написанного Куваевым. Да, роман «Территория» – роман культовый, роман, который заставил многих людей выбрать профессию геолога, роман, который обладает какой-то магией, заставляющей вновь и вновь к нему возвращаться. Но если читать его, скажем так, немного отстраненно, не растворяясь в созданном писателем мире, а наблюдая его как бы со стороны, то бросаются в глаза некоторые эстетические просчеты, допущенные автором. Полагаем, например, что все, читавшие «Территорию», согласятся: ее концовка явно выглядит несколько скомканной, словно автор поспешил закончить роман, опаздывая к какому-то заранее установленному сроку (впрочем, наличие изъянов – обязательное условие культового романа, при отсутствии изъянов текст, большой текст, становится, условно говоря, несколько «стерильным»).

Так вот, «Печальные странствия Льва Бебенина» знаменуют собой вершину именно художественного мастерства Куваева: этот текст идеально построен, не имеет ни одной композиционной шероховатости и отличается удивительно выдержанным ритмом. Однако все эти достоинства не способствовали перемещению повести из периферии куваевского наследия в ее центр. Она находится как бы в тени и «Территории», и «Птицы капитана Росса», и «Правил бегства» (критики тоже обошли ее молчанием). Вместе с тем повесть «Печальные странствия Льва Бебенина» по-настоящему уникальна: в ней соединились мощная мифологическая традиция, тонкая интертекстуальная игра и рельефная документальная достоверность.

Если бы «Печальные странствия Льва Бебенина» были напечатаны в начале 1990-х, то, вне сомнений, многие читатели и критики поспешили бы заявить, что они являются парафразой «Властилина колец» Толкина. И действительно, сходство одной из сюжетных линий знаменитой эпопеи, той, что связана с образом Голлума (Горлума) налицо: и хоббит Смеагол, превратившийся в итоге в Голлума, и контрабасист на вольных хлебах Лев Бебенин, подпадающий под власть магического предмета, состоящего из золота (в случае с Голлумом – это Кольцо Всевластья, а в случае Льва Бебенина – золотой самородок). Эти два объекта, рукотворный и природный, не просто меняют характер и поведение своих случайных владельцев: они заставляют их постепенно отказываться от «человеческого» начала в угоду началу «звериному» и провоцируют полный разрыв и с обществом в целом, и с отдельными людьми. Даже отличия в их поведении имеют не экзистенциальный характер, а чисто внешний,

причем наблюдается любопытная симметрия, напоминающая зеркальное отражение ключевых событий, а именно: Смеагол становится обладателем Кольца всевластья во время рыбалки, убив своего друга Деагола, нашедшего кольцо на дне реки, а Лев Бебенин в конце своих «печальных странствий» убивает давшего ему приют казаха Кудуспая тоже фактически во время рыбалки, только не на берегу реки, а на берегу Аральского моря. Есть и другие совпадения. Например, толкиновский персонаж, раздвоившись на хорошего Смеагола и гадкого Голлума, разговаривает сам с собой, беседует с теми голосами, что раздаются у него в голове. Точно такую же метаморфозу претерпевает и сознание Льва Бебенина: через несколько дней после концерта на том прииске, где был найден самородок, Бебенин возвращается вместе с другими оркестрантами в близлежащий город и, завидев милиционера, стоявшего на посту, тут же решает избавиться от самородка:

«Выкину!» – дико подумал Беба. Машина катилась по улице к гостинице, а он все смотрел на милиционера и вытягивал шею.

«Выкинуть никогда не поздно», – сказал чуть слышно мерзкий, с хрипотцой голос. Так ясно сказал, что Беба оглянулся».

Нечто аналогичное происходит с ним и в Ургенче, куда его привело желание сбыть найденный самородок:

«Остановись», – сказал голос предосторожности. Беба заглушил его порцией коньяка».

И еще одна параллель. Голлум, напомним, теряет кольцо, а Лев Бебенин, в том же Ургенче, теряет обрубок самородка, который он всюду таскал с собой в качестве, условно говоря, «демонстрационного товара» (именно эта потеря заставляет его бежать к Аральскому морю, где замкнется кольцо его несчастной судьбы).

Разумеется, все наши примеры и суждения не нужно рассматривать как тезис о том, что на повесть Куваева оказала влияние знаменитая эпопея Толкина. Напомню, что публикаций русских переводов каких-либо частей «Властилина колец» на момент создания «Печальных странствий...» не было, если не считать сильно сокращенного пересказа всей трилогии, сделанного в 1966 году Зинаидой Бобырь и ходившего в самиздате. К тому же Куваев не принадлежал к числу профессиональных филологов-англистов, которые по «долгу службы» могли знать о творчестве Толкина, в

шестидесятые годы в нашей стране очень мало кому известного.

Указанные нами переключки и совпадения объясняются причинами более общего свойства, чем непосредственное взаимодействие двух вполне конкретных текстов. Дело в том, что посредством создания «Печальных странствий...» Куваев как бы подключился к очень давней литературно–мифологической традиции, у истоков которой находится, конечно же, вовсе не Толкин с его сказочными или фэнтезийными эпопеями. Тема губительной власти золота, убивающей душу человека и неумолимо подталкивающей его к самым жестоким преступлениям, в том числе и к убийству, разрабатывается в европейской литературе еще со времен древне–скандинавской мифологии («Сага о Вельсунгах», «Младшая Эдда») и древненемецкой эпической поэзии («Песнь о Нибелунгах»). В этом изменчивом коллективном тексте, длящемся уже больше тысячелетия и включающем в себя также произведения других искусств, например, оперный цикл Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга», мотив проклятого золота был столь же тщательно «отшлифован» самыми разными авторами, как был «окатан» водой тот самый самородок, который нашел Лев Бебенин. И неудивительно поэтому, что какие–то сюжетные ходы и образные детали, связанные с данным мотивом, начинают «всплывать» и возвращаться у тех писателей, которые к нему вновь и вновь обращаются. Вряд ли, например, можно считать простой случайностью своеобразную «рифмовку» финалов «Кольца Нибелунгов» Вагнера и «Печальных странствий...» Куваева. То, что у Вагнера после всех трагических событий, изображенных в его тетралогии, золотое кольцо нибелунгов погружается в воды Рейна, а у Куваева золотой самородок, найденный Львом Бебениным, прекращает свои странствия, погрузившись в воды Аральского моря, не является следствием курьезных совпадений. Это результат самой логики развертывания соответствующего мотива (мотива проклятого золота), существующего в длительной временной перспективе. Стоит, пожалуй, добавить, что наши толкования подкрепляются и тем, насколько заинтересованно сам Куваев относился к мифологии и литературе Древнего мира, которые были для него не просто предметом любопытства, а самыми настоящими собеседниками в заочном диалоге на тему вечных вопросов человеческого бытия, большая часть которых тоже, как известно, относится к числу проклятых. Показательно в этой связи, что в одной из редакций «Территории», отвергнутой, вероятно, не столько из–за авторской неудовлетворенности, сколько из–за косности литературных функционеров и осторожности редакторов и издателей, повествование романа проецировалось

на древнейший литературный памятник человечества – шумерскую поэму о Гильгамеше, созданную задолго до нашей эры.

После того, как мы кратко охарактеризовали мифологическую – или даже «архетипическую» – составляющую «Печальных странствий...», настало время затронуть вопрос о том, на какие литературные тексты Нового и Новейшего времени ориентировался Куваев при создании этой повести. Поскольку наша статья представляет собой не энциклопедию «Печальных странствий...», а «пролегомены» к ним, то мы ограничимся указанием только на один ориентир такого рода – роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Во–первых, если «Золотой теленок», как, впрочем, и «Двенадцать стульев», – это роман странствий, построенный на перемещениях главного героя из одного пункта в другой и сопутствующих этим перемещениям приключениях, то разбираемое произведение Куваева – это повесть странствий, пусть и не смешных, а печальных (любопытно, что даже некоторые пункты перемещений Остапа Бендера и Льва Бебенина совпадают: есть среди них и Москва, и Средняя Азия). Во–вторых, почти совпадают и стимулы, заставляющие Бендера и Бебенина (обратим попутно внимание на фонетическую близость их фамилий, включающих в себя один и тот же звуковой комплекс «бен») перемещаться по Стране Советов: Бендер сначала странствует, чтобы обрести богатство, заветный миллион, а потом – чтобы попытаться его потратить; Бебенин же получает свое богатство сразу, но в попытках его «потратить» (сбыть) он проделывает столь же длительный и бесполезный путь, как и Остап. В обоих случаях богатство, попавшее в руки героев, становится для них не просто «мертвым», но и опасным грузом, приводящим в конечном счете к выпадению из общества, к изоляции от людей (вспомним хотя бы эпизод в одной из последних глав «Золотого тельника», где Остап, показавший своим попутчикам в поезде чемодан с миллионом, тут же остается один, поскольку попутчики начинают его воспринимать как «зачумленного»).

В отличие от «Властелина колец», роман Ильфа и Петрова является произведением, безусловно, известным Куваеву. Однако связь между «Золотым тельником» и «Печальными странствиями...» определяется не только пересечением соответствующих образов и мотивов. Их соединяют и глубинные жанровые отношения, обусловленные опосредованной принадлежностью названных произведений к плутовскому роману. Разница только в том, что создатели диалогии о похождениях Остапа Бендера и автор повести о Льве Бебенине свой

диалог с жанром классического плутовского романа ведут в индивидуальном ключе: «Золотой теленок» – это пародийный плутовский роман, а «Печальные странствия...» – это рекем по плутовскому роману (к разговору о рекем мы еще вернемся).

Что касается документальной достоверности куваевского произведения, то она, прежде всего, коренится в подробном изображении «теневых» сторон советской действительности. Из «Печальных странствий...» современный читатель не только узнает, но и увидит со всей наглядностью, что в Советском Союзе было две экономики: официальная, плановая, и нелегальная, «теневая». Последнюю в повести представляют такие фигуры, как безымянный старичок, содержащий теплушку на приисковой трассе и организовавший хищение золота с последующей его доставкой на материк; нелегальный антрепренер Леня Химушев, в бродячем оркестре которого играет контрабасист Лев Бебенин; полуподпольный зубной врач Юрий Сергеевич; «знаток уголовного мира, недоказанный валютчик, недоказанный подпольный торговец» драгоценным металлом Гришка Ерутов; «исправитель ошибок» дядя Осип, наладивший в Средней Азии сезонный цементный бизнес (хитроумию комбинаций дяди Осипа, формально не нарушающих Уголовного кодекса, позавидовал бы и Остап Бендер).

При этом Куваев дает понять, что в существовании различных форм «теневой» экономики и подпольного бизнеса виновато не только человеческое корыстолюбие, но и врожденные изъяны советского планового хозяйства.

Вот, например, начало повести, страницы, рассказывающие о мыслях и чувствах Льва Бебенина сразу же после находки самородка:

«Самородок он мог сдать в золотоприемную кассу. Это он знал. Знал и цену».

И во многом именно потому, что он знал, насколько мала эта цена, Бебенин решает сохранить самородок у себя, запустив тем самым процесс разрушения и своей жизни, и своей личности.

Будь цена приемки золота нормальной («рыночной», а не плановой), его судьба сложилась бы по-другому. Счастья бы он, конечно, не обрел, быстро растратив деньги в банальных попойках и дешевых амурных приключениях, но ничьей человеческой жизни, как это с ним в итоге случилось, не загубил бы.

В заключение нам хотелось бы коснуться чрезвычайно важной проблемы – проблемы канонического текста куваевских произведений, которая имеет прямое отношение и к «Печальным странствиям Льва Бебенина». Ее индикатором может служить приведенная выше цитата о расценках в золотоприемной приисковой кассе. Но так она выглядит в том варианте повести, который называется «Печальные странствия Льва Бебенина» и который был впервые напечатан уже после смерти Куваева, в сборнике «Каждый день как последний» (1976). Однако в первом, прижизненном варианте, увидевшем свет в 1971 году в журнале «Искатель» и называвшемся «Рекем по утрам», фрагмент, посвященный золотоприемным расценкам, выглядел по-иному (слова, изъятые впоследствии, нами подчеркнуты):

«Самородок он мог сдать в золотоприемную кассу. Это он знал. Знал и цену приемки: сплошные пустяки».

Не так-то легко ответить на вопрос, какой из двух вариантов лучше. С одной стороны, сокращение исходного варианта хорошо согласуется с хемингуэвской «закваской» куваевского творчества: автор «Печальных странствий...» всегда тяготел к освященному авторитетом американского писателя приему «айсберга», оставляющему на «поверхности» текста лишь часть необходимой информации, поэтому получившаяся в результате сокращения фразы недоговоренность способствует напряжению читательского внимания, подталкивающего к закономерному выводу, что цена приемки золота смехотворно

С другой стороны, возникает ощущение, что текст был сокращен свехосторожным редактором, побоявшимся прямого указания на то, что установленная государством закупочная цена слишком незначительна и явно несправедлива.

К сожалению, на данный момент мы не имеем точных сведений, как именно проходила подготовка первого посмертного сборника Куваева к печати, насколько бережно те, кто отвечал за эту подготовку, относились к рукописям и авторской воле писателя.

В некоторых случаях исправления во втором – книжном – варианте повести следует признать удачными и хорошо мотивированными. Так, от исправлений явно выиграла концовка произведения. В журнальном варианте она выглядела так (в ней описывается состояние главного героя после того, как он убил давшего ему приют казаха Кудуспая):

«Еще он вспомнил момент, когда нашел самородок, тихий утренний полигон, самогонного цвета водичку, которая заполняла ямку, и заплакал. Он сел на холодный песок и стал ждать катер. Он не знал, что звук по воде рано утром разносится очень далеко и катера надо еще ждать, ждать и ждать».

Солнце стало греть уже с ощутимой силой. Мимо Бебы проползла куда–то черепашка. Она, видно, очень спешила, оскальзывалась в песчаных ямках, и в тишине, разрезанной звуком катерного мотора, шуршание ее казалось оглушительным. В этот момент внутренний голос без объяснения причин сказал Бебе, что Кудуспай не брал его золота, что случилась ошибка. И Беба заплакал. Но в юрту, где то ли умирал, то ли уже умер Кудуспай, он боялся идти».

В книжной версии второй абзац оказался отброшен, а к предыдущему добавлено новое предложение, которое в итоге и стало финальным. В результате концовка приобрела следующий вид:

«Еще он вспомнил момент, когда нашел самородок, тихий утренний полигон, самогонного цвета водичку, которая заполняла ямку, и заплакал. Он сел на холодный песок и стал ждать катер. Он не знал, что звук по воде рано утром разносится очень далеко и катера надо еще ждать, ждать и ждать. Но он сидел и ждал».

Можно с уверенностью констатировать, что сокращение журнального варианта устранило чрезмерную «проговариваемость» тех трагических событий, которые развернулись в жилище Кудуспая. Вряд ли существовала настоятельная художественная необходимость акцентировать внимание на ошибочности подозрений Льва Бебенина или его трусости (читатель и так о них прекрасно осведомлен). Концовка книжной версии больше соответствует упомянутому принципу «айсберга», столь важному для творческой манеры Куваева.

Но иногда исправления, сделанные при публикации «Печальных странствий...» в сборнике «Каждый день как последний», несут в себе очевидную порчу текста. Жертвой такой порчи стало название повести. Название «Печальные странствия Льва Бебенина» не только выглядит довольно растянутым (чем короче название литературного произведения, тем оно, как правило, лучше, о чем свидетельствуют, например, названия всех классических русских романов, в большинстве своем состоящих из одного–двух слов, в редких случаях – трех: «Бесы», «Идиот», «Мертвые души», «Война и мир», «Герой нашего времени»). Оно лишено какой–либо символичности и универсальности. Если его можно приложить лишь к отдельно взятому человеку, погубившему и свой талант, и свою жизнь музыканту Льву Бебенину, то «Реквием по утрам» может звучать для самых разных людей, независимо от их возраста, профессии и привычек. Именно по утрам, когда чаще всего царит тишина, когда мысли о самом главном не заглушаются шумом повседневных дел и забот, каждому из нас легче всего услышать вопрос, который в своей внешнем облике способен бесконечно варьироваться, но суть которого была столь удачно сформулирована Куваевым в последних строчках романа «Территория»:

«Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?..»

Кому–то есть что ответить на этот вопрос, причем ответить достаточно подробно. А кому–то ответить нечего, поэтому молчание таких людей и перерастает постепенно в реквием по упущенным возможностям и впустую растроченной жизни. Но, в этом мы абсолютно убеждены, читатели и почитатели Олега Куваева, отмечающие в этом году его девяностолетний юбилей, слышат по утрам совсем другую музыку.

ЛИТЕРАТУРА

Вагнер Р. Кольцо Нибелунга. СПб.: Азбука, М.: Азбука–Аттикус, 2018. 416 с.

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Художественная литература, 1971. 358 с.

Куваев О.М. Реквием по утрам // Искатель. 1971. № 5(65). С. 62–106.

Куваев О.М. Территория. М.: Современник, 1975. 256 с.

Куваев О.М. Печальные странствия Льва Бебенина // Куваев О.М. Каждый день как последний. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 37–96.

Куваев О.М. <Письмо> Олегу Онищенко, зав. отделом культуры газеты «Магаданская правда» (в ответ на письмо «группы товарищей») // Куваев О.М. Сочинения. Т. 3. Дорожные записки и размышления. Книга писем. М.: Изд-во Престиж Бук, 2013. С. 423–424.

Максимов М.М. Очерк о золоте. М.: Недра, 1988. 111 с.

Потемкин С.В. Благородный 79–й. Очерки о золоте. М.: Недра, 1988. 176 с.

Толкин Дж.Р.Р. Повесть о кольце. Пер. с англ. З. Бобырь. М.: Интерпринт, 1990. 487 с.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин колец (трилогия). Пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского. Т. 3. Возвращение короля. М.: АСТ, 2009. 439 с.

Хукер, Марк Т. Толкин русскими глазами. М.: ТТТ, СПб.: ТО, 2003. 301 с.